

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

Volume: 02 Issue: 09 | September 2021

Очаровательная Поэзия

Пиримкулов Абдурахман Эшанкулович

кандидат филологических наук, секретарь научного совета Алмалыкского филиала Ташкентского государственного технического университета им. И.Каримова

Received 28th May 2021, Accepted 24th June 2021, Online 21th September 2021

Аннотация: В данной статье анализируется мухаммасы к газелям классиков узбекской поэзии XV-XVI веков народного поэта Узбекистана Сирожиддина Саййида в свете проблематики традиций и своеобразия.

Ключевые слова: газель, мухаммас, традиция, последовательность, своеобразия, образ, идея, классика, классическая поэзия, современность, художественный язык, художественное мастерство, классический жанр, метафора.

Поэзия народного поэта Узбекистана Сирожиддина Саййид по своей структуре, идейному содержанию, изысканности художественного языка, своеобразной привлекательности и на ряду с такими поэтическими особенностями формируют отдельный этап в современной узбекской литературе. Около двадцати книг автора сочинённые в разных жанрах творчества увидели свет. Масштаб тем поэзии поэта чрезвычайно широк. Её, выражаясь, простым понятным языком можно назвать шедеврами поэзии воспевающие внутренний духовный мир человечества. В творчестве поэта краса Свободной Родины, гимн Матери и женщины, почтение наставникам, верность идейным друзьям, наставление ученикам, преданности любимой, бескрайняя отцовская любовь к своей

дочери Нигине, чувства заботы в ярких красках изображаются. Книга поэта с названием “Очил, эй гул, ки бўстон вақти бўлди” (Цвети, эй цветок, пришла пора цветения) была издана в 2014 году в Главной редакции издательского дома “Шарқ”. Книга по содержанию состоит из семи крупных глав. Её основную часть составляют классическая лирика, легенда оповещающая о тоске, переживаниях и обыденной жизни Захириддина Мухаммада Бабур мирзо, также составляют переводы из поэтического и прозаического творчества русского поэта Андрея Вознесенского.

Стихотворения о Родине Сирожиддина Саййид переплетаются, сливаются с его особым почётном уважением к покойной матери:

Мен ватанни ўрганмадим заридан,

Ўрганмадим уни хур ё паридан.

Кафтларининг чизиқлари – хати ҳам

Ажинлари бўлди менинг харитам.

Шу хатларда кўргандим илк Ватанни,

Ўз онамдан ўргандим мен Ватанни!

Я не познавал родину не из-за её злат,

Не познавал её ни от райской девы либо от пери.

Линии и почерк её ладонь,

Морщины её стали моей дорожной картой.

На этих линиях впервые я увидел Родину,

Я познавал от своей матери Родину!

Творчества Сирожиддин Саййид в нашей современной национальной поэзии признана как своеобразная, уникальная страница нашего литературоведения. Его, особенно написанными им по мотивам древнего аруза ряд газели, рубаи, мухаммас, мусаддас и маснави заняли достойное место в сердцах поклонников высоким тонким вкусом. Поэт привязал тахмис к газелям поэтов классиков оставивших огромный след в восточной поэзии таких как Мавлоно Лутфи, Ходжа Хофиз, Шайх Атои, Алишер Навои, Бобур Мирзо, Адиб Собир Термизи, Сидки Хондайлики и к газелям ряда таких поэтов классиков. Если допустимо такая интерпретация, поэт для проверки своего творческого таланта, вероятно с целью показа свою силу поэт осмеливается “бить пятерной пятерну” с поэтами классиками.

Это сравнима с тем, что поэт соревнуется с крупными поэтами на просторной площади творчества на соревнованиях по скачку, на этой стезе можем сказать, что Сирожиддин Саййид на отлично прошёл испытание. Извлекать пользу из творческой практики мастеров классической поэзии, от чистого сердца почувствовать великих идей поставленными ими, поднять их на стадии совершенства, осмеливаться взяться за перо, осознавая до того сложные аспекты этого творческого процесса, и в впоследствии создавать образцы творчества достойные жить в мире художественного слова пока что в наше время больше получилось у Сирожиддин Саййид.

Если речь пойдёт о мухаммасах, привязанных поэтом к газелям поэтов классиков, я бы хотел отметить одну мысль достойного внимания. Во-первых, определенный поэт, хоть сколько не симпатизировал к предшественнику классика не сможет “вылепить” из его газели пятистрочную строфу с одинаковыми рифмами. Для того чтобы из бейта известной либо популярной газели сформировать пятистрочную строфу мысли,

понятия, мировоззрения, словарный запас, художественно-эстетические принципы поэта хотя бы на одно мгновение полностью должно совпадать с мыслями-чувствами, идейными намерениями, самое главное мировоззрением крупного классика мастера слова в прошлом. Если выразиться по иному, как будто выдвинутые в своё время со стороны классика поэта целы-доказательства до сих пор не устарели, и данная тема для поэта современного более актуальна.

По этой причине связывающий тахмис ещё более продвигает вперед отразившегося на бумаге пять или шесть веков тому назад по своему содержанию завершённого произведения, учитывая его внутренние закономерности выводит его на более совершенную стадию.

Сирожиддин Саййид сформировав мухаммас(пятистрочная строфа) из газелей нескольких поэтов, он чувствует необходимость счёта с их ведущими идеями художественно творческого мира, следовательно строго руководствуется принципами традиционного творчества. Это является на творческом поле чрезмерно важным и сложным вопросом, поэт который не руководствуется ими не возьмётся за аруз, особенно, за составление тахмис. Скажем так, в творчестве великого Навои и в творчестве поэтов до него ведущей считалось любовная тема. Борьба за власть, за трон, внутренние распри, недовольства от социальной жизни и другие мотивы были в орбите данной темы. Значит, Сирожиддин Саййид когда обращается к газелям поэтов того периода глубоко осознаёт необходимости учёта этого преимущества в их творчестве.

Тахмисист составляя пятистрочную строфу на так называемые газели Шейха Атаи “Жамолинг васфини килдим чаманда” (Воспевал твою красоту в цветнике), “Кел, эй дилбар, ки бўстон вақти бўлди”(Приди, эй любимая, пришла пора цветения), Хафиза Шерази “Чолғучи айлагил

наво”(Музыкант сыграй-ка мелодию), Алишера Навои “Зулфинг очилиб...”(Расступились твои локоны...), “Бизнинг шайдо кўнгул...”(Наша обуземевшая душа от любви...), “Холу хатинг хаёлидин...”(Воображение от линии твоей родинки...) , “Бир кичик ёшлиғ нигор...”(Одна красавица подросток...) и в других таких мухаммасах ему удаётся красиво излагать изумительные качества любви и влюбленности, чувства освещающие внутреннее духовно-нравственное состояние лирического героя уставшего от мучения разлуки.

Однако, это не значит, что все тахмисы были посвящены к теме традиционной любви. Например, Сирожиддин ака делая привязку к газели гения слова “Чунки эллик манзил ўтди...” (Так как прошли пятьдесят привалов...) биографического содержания, он ощущает, что чувства поэта крепко связаны с его душевными переживаниями.

Правда, настоящее время мы не считаем жизни после пятидесяти глубокой старости. Но, факт, что после рубежа этого возраста некоторым молодым не понравится, тоже не далеко от истины.

Тот газел был написан Почтеннейшим после пятидесяти лет, а Сирожиддин ака также составил мухаммас к его газели после указанного возраста. Интересный парадокс. Сирожиддин Саййид пока что не достиг указанный возраст даже не думает усовершенствовать эту газел.

Это подтверждает наши мысли заявленные выше о том, что духовная близость между поэтами, слияние художественной идеи предшественника и последователя, взаимосвязь в их мировоззрениях подготовит почву для появления слитного и совершенного произведения:

*Суръатидин вақтнинг кундин-кун ошди
хайратим,*

Рост келмас эмди умрим суръатига фурсатим,

Лолу хайрон бўлмангиз кўргач бу ҳолу суратим,

*То йигит эрдим қариларга кўп эрди хидматим,
Қариган чоғда йигитларга оғирдур суҳбатим.*

*От темпа времени изо дня в день стало больше
мое недоумение,*

*Теперь мой удобный случай не ровен к скорости
жизни моей,*

*Не удивляйтесь онемев увидев моё явное
положение,*

*Пока был молодым к старцам было много моё
служение,*

*А в старости к молодым моя беседа стала
тяжелой ношей.*

Когда идёт разговор на тему привязки тахмисов к газелям Почтеннейшего Навои со стороны Сирожиддина Саййида мне бы хотелось сказать про ещё одно соображение.

Газел гениального поэта “Кўзинг не бало қаро...” (Почему твои глаза убийтсвенно чёрные...) притянул внимание многих поэтов. В том числе, на основе этой газели в поэзии период независимости появились даже не один, аж семь тахмисов. Если дальше будем продолжать поиск, я уверен, что их числа увеличиться, несомненно. В этих мухаммасах достойных внимания и признания были соблюдены принципы преемственности. Важно то, что не одну их них нельзя назвать простым либо не глубоким. Только в некоторых мухаммасах отдельные бейты полностью не подогнаны в пятистрочную строфу и этот не недостаток не бросает тень на общую идею. Однако, ни сколько не умаляя значения ни одного из тахмисов, в справедливости ради хотелось бы констатировать. Среди данных тахмисов привязанных на газели великого Навои со строкой “кўзинг не бало қаро”(почему твои глаза убийтсвенно чёрные...) тахмис Сирожиддин Саййид особенным мастерством изображает угнетение и насилие в “глазах убийтсвенно чёрных...” более ярко и influentially:

Ким қошинга мубтало бўлубтур-

Ул икки қилич аро бўлубтур,

Дил ичра ики яро бўлубтур,

Кўзунг не бало қаро бўлубтур

Ким жонга қаро бало бўлубтур.

Кто одержим любовью к твоим бровьям-

Он застигнут меж двумя саблями,

В сердце его появились аж две раны,

Почему твои глаза убийтсвенно чёрные

Чёрнота для души стало бедствием.

Здесь в никоим образом речь не идёт про “двух саблей” (икки қилич) либо о “двух ран” (икки яра) сердца. Тахмисист посредством свойственных намёков и образов успешно рисует духовный и физический облик влюбленного. Таких тонких передач словосочетания на каждой другой строфе тахмиса можно будет отдельно наблюдать

Но Сиржиддин Саййид почему-то в отличие от других тахмисистов в последнем бейте не хочет подчеркнуть свой псевдоним. Видимо, поэт “Сирож” либо “Сирожиддин Саййид” возможно не смог внедрить, направить в общую идею или просто этого сам не захотел.

Любовь Сирожиддина Саййид к творчеству и к личности шаху Бабуру достойна отдельного восхваления. В тахмисах поэта привязанных к газелям царя помимо темы любви вы столкнётесь к абсолютно новым изложениям верности родине, друзьям, родственникам и любимой. И здесь тахмисист чувствуя себя другом по отношению личных тревог правителя, по причине того, что себя считая близким человеком к шаху, которому доверяет тайны, и он сам “по бабурски” успешно сочиняет стихотворные строки:

Кезибмен дашту қир, гулзорларни,

Кўрибмен дўст ҳам агёрларни,

Кечибмен селу ёмғир, қорларни,

Гаҳи соғин, не бўлди, зорларни,

Унутмағил бурунги ёрларни.

Скитался я по равнинам холмам, по цветникам,

Увидел(встретил) я и друзей и недругов,

Переправлялся я через селевые дожди, снега,

Иногда тоскуй, что произошло, не забывай

Скучающих по тебе и прежних друзей.

Сирожиддин Саййид выражаясь “Переправлялся я через селевые дожди, снега”(Кечибмен селу ёмғир, қорларни), конечно, не жалуется на выюги суровой зимы. Его лирический герой “израненный временем” с лирическим героем Бабура сливается, можно сказать, в настоящее время как будто составляет одно целое. По этой причине тахмисист аккомпанируя голосу шаха Бабура, всем нам наставляет, говоря “не забывай, прежних друзей”(Унутмағил бурунги ёрларни).

Сирожиддин Саййид привязывая тахмисы к газелям Сидки Хондайлики “Милая моя Родина”(Жоним Ватан), Аваза Утар ”Знать много языков...” (Ҳар тилни билув...) в них призывает на ряду к тем, что молодым Родину любить, лелеят и хорошо освоить родной язык, почитанием родного языка и выучит основательно ряд влиятельных иностранных языков. Эта идея с призывами того периода крупных поэтов слитно излагаясь, привлекает к себе внимания сегодняшнего читателя тем, что она и наше время не потеряла свои ценности. Значит, к рождению великих идей в тахмисах поэта наследие наших крупных поэтов послужило толчком, однозначно.

В его книге с названием “Цвети, эй цветок, пришла пора цветения” (Очил, эй гул, ки бўстон вақти бўлди) в главах “В моем душе имеется свеча”(Менинг кўнглимда бир шам бор) и Эй человек! (Эй инсон!) мы знакомимся с более

семидесяти четверостишиями. В них поэт больше воспевают науку и знания, религию и набожности. Он в них акцентируется на нафсе(страсть, чувственное желание) которая осрамляет лицо человека:

Ўтди умринг, ўтди гул фаслинг сенинг,

Тинмади ҳаргиз талош, баҳсинг сенинг.

Гарчи инсонсан шаклда, лек ҳамон

Чўчкаю тўнгиз эрур нафсинг сенинг.

Прошла твоя жизнь, прошла пора твоего цветения,

Никак не перестали твои хлопоты, твой спор.

Хоть ты по форме человек ещё, однако ты тот самый

Чья страсть сравнима со страстью дикого кабана.

Сирожиддин Саййид-страстно влюблен в душу. По нему “дил” по отношению к *калб* и *кунгил* достаточно крепче стоящее высшее обиталище. По этой причине поэт к “дил” для того чтобы освободить душу иногда к нему как источнику питания часто обращается. Такое положение ни только в четверостишиях, более того наблюдается в других формах его стихотворениях. Не с проста родилось признание поэта “дил букун, бошдин оёғим дил букун” (душа на весь день, душа всё моё тело).

Для Сирожиддин ака *дил*-утешение, *дил*-опора, *дил*-грусть, одновременно и тоска и радость, мучение и разлука также. Поэт возвеличивает *дил* называя её султаном тела.

Дил бу оламдин эмасдир, они бил,

Ушбу оламнинг ғариб меҳмони дил,

Лашкар эрса жумла аъзою танинг,

Жумла аъзою танинг султони дил.

Дил не с этого света, знай это,

Дил гость странник этого света

Если все члены твоего тело одно войско

Султан всех членов твоего тела дил.

В составе четверостишиях поэта такие “*гизо, ком, тараҳхум, тўбо, тийрамоҳ, рафтор, гуфтор, равзан, зеру забар, қийлу қол, маху сол*”(пища, желание), жалость, туби (сказочное райское дерево), осень, поведение, речь, райский сад, переворачивать вверх дном, громкий, оживлённый разговор, месяц год) и другие такие же персидско-арабские слова и словосочетания имеет место, для того чтобы их разумно воспринимать читатель должен обратиться к специальным словарям.

Я хотел сказать, что наши молодые учёные если захотят по глубже проникнуть в суть стихотворения Сирожиддина Саййид должны использовать словарь произведения классической литературы. В противном случае редкостные мысли, секретные истины и просвещения останутся вскрытыми(не раскрытыми).

Теперь, хотелось бы немного заострить своё внимание на “Умр ва айём фардлари” (Лучшее двустихиие жизни и времен) которая имеет место в указанной книге. Форма этого стихотворения часто встречается в классической литературе. Но не так часто в современной литературе применяется такая форма. Потому что это является высшим образцом изысканности, знания и мудрости. Вот почему к данной форме чаще всего обращаются более опытные поэты.

По причине маленького объёма требования к двустихиям естественно тяжелы. Причина-поэт по достижении краткости формы по мере возможности стремится к высотам. Сказанная метром Айбеком известная фраза “*фикр қаймоғи*”(сливки мысли) больше всего относиться к этим двустихиям.

Основы фардов Сирожиддин Саййид составляют мотивы нравоучения-наставления, бдительности и благодарности. Однако это не означает, что масштабы тем двухстиший только из этих направлений образовались.

В них до того чисто, плавно рисуется неповторимые картины нравственно-духовного мира человечества, в результате находчивый читатель может выводить нужное заключение для самого себя из художественной истины которые кроется в этих крошечных стихах.

А также, в фардах больше всего нашли свои отражения беспощадные истины жизни. Если по иному выразиться, двустихия поэта в том или на том уровне имеет жизненные основы. Поэт ни в одном месте фарда лишнее не глаголит. Ему удаётся изобразить в таких красках как в самой жизни.

К слову, хотелось бы мне вот что констатировать тут. По мне кажется, что источник творчества Сирожиддин Саййид питается из двух ручей. Во-первых, вдохновение от наследий классических поэтов востока, во-вторых, вдохновение от современников наставников, особенно, знакомства и извлечение пользы от творчества Эркина Вахидова и Абдуллы Арипова дают заметный толчок поэту для написания совершенных произведений.

При чтении стихотворений поэта явно прослеживается влияние этих двух факторов. Правда, что поэт прослеживает творчества и других поэтов современников. Однако, когда речь идёт о влияние других поэтов современников на его творчества, он выше указанным двум мастерам слова особенно трепетно относится, это наверняка, не требует никаких доказательств.

Кстати, Сирожиддин Саййид вспоминая свои студенческие годы, он отмечает, что его больше привлекало творчество русского поэта Андрея Вознесенского, что он два раза лично встретился с “королём метафор”, и он с радостью отмечает,

что своеобразный вклад внёс этот замечательный человек в фундамент его творчества.

Выше указанная книга Сирожиддин ака по сравнению с другими его сборниками более весомая. Кстати, там размещена написанная автором в 2013 году посвященная Андрею Вознесенскому память-эссе называемая “Икки аср – бир хаёт” (Два века – одна жизнь). В ней автор в своеобразной предосторожности и пылкости излагает своеобразное высокое место на трибуне мировой литературы, всечеловеческого преимущества творчества русского поэта.

Поэзия Сирожиддин Саййид со своеобразной национальной привлекательности является пленительной поэзией. До того достаточно много литературно-научные, духовные, просветительские и философско-эстетические элементы обеспечившие факторов устойчивого существования творчества поэта на сцене узбекской литературы, исследование, обширное изучение их входит в очередную задачу наших друзей литературоведов.

Адабиётлар (Литература)

1. С.Саййид. Дил фасли. Тошкент: “Ўзбекистон” нашриёти 2007.
2. С.Саййид. Очил, эй гул, ки бўстон вақти бўлди. Тошкент: “Шарқ” нашриёти 2014.
3. Н.Жабборов. Замон, макон, шеърят. Тошкент: “Ғафур Ғулом” нашриёти 2015.
4. У.Жўракулов. Назарий поэтика асослари. “Ғафур Ғулом” нашриёти 2015.